

ГОРОД СОЛНЦА И МОНАРХИЯ МЕССИИ

(О ПОЛИТИЧЕСКОЙ УТОПИИ ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛЫ)

А. Х. Горфункель

Летом 1606 г. в одном из многочисленных мемориалов, обращенных к сильному миру сего из страшной «ямы» замка св. Эльма, Томмазо Кампанелла перечислял свои сочинения, уже написанные и те, что обещал представить в ближайшее время; в этом списке с «Городом Солнца» соседствует книга о том, «что скоро, на исходе человеческих неурядиц, будет единое стадо и единый пастырь, под счастливым единовластием, и что испанский король будет главным собирателем этого всеобщего католического государства», и «книга, предназначенная королю Испании о способах достижения этого единовластия», и «удивительная книга, написанная для папы, о счастливом и мудром сохранении» этой всемирной монархии, и «книга об обращении в веру язычников обеих Индий», и «великая книга против политиков и макиавеллистов»¹. Так, создатель коммунистической утопии предстает перед нами в качестве творца утопии всемирного теократического государства под эгидой римского первосвященника, автор «Города Солнца» — как автор «Монархии Мессии».

Написанная вскоре после «Города Солнца», зимой 1606/1607 г., «Монархия Мессии», в которой обосновывается всемирно-теократический идеал Кампанеллы, долгие годы распространялась в списках (до нашего времени их дошло более 20); переведенная позднее автором на латинский язык, она была вопреки сопротивлению римских недругов Кампанеллы опубликована в провинциальном городке Йези в 1633 г. и тотчас же конфискована. Всего 16 экземпляров этого издания дошло до наших дней (один из них — единственный, который Кампанелле удалось спасти и вывезти с собой во Францию и там подаренный с собственноручным рукописным добавлением одному из парижских друзей, — хранится ныне в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Сочинение это не стоит изолированно в творчестве Кампанеллы. В нем развиваются идеи, впервые высказанные в юношеской (1593 г.) «Монархии христиан». Пропаганда единения человечества в одном всемирном государстве с «единым пастырем» во главе посвящены его многочисленные политические трактаты, мемориалы, письма, стихи, XIV книга его многотомного «Богословия» и написанный в последние годы жизни трактат «О царстве божием».

Полагая несовместимыми коммунистическую программу преобразования общества «Города Солнца» и теократическую утопию «Монархии Мессии», пытаюсь объяснить это противоречие, биограф Кампанеллы Л. Амабиле выдвинул в 80-х годах прошлого столетия теорию симуля-

¹ L. Firpo. Appunti Campanelliani, XXIII. «Giornale critico della filosofia italiana». (Firenze). Vol. XXXII. 1953, pp. 477—481.

ции неаполитанского узника, вынужденного, для того чтобы добиться свободы, излагать взгляды, противоречащие его подлинным убеждениям. По мнению Амабиле, почти все политические и теологические трактаты Кампанеллы «не могут служить выражением внутренних убеждений автора, но являются скорее выражением крайних обстоятельств, которые теснили его со всех сторон»². Поддержанная, хотя и не без оговорок, рядом исследователей (И. Квачала, Л. Бланше и др.³), эта теория получила распространение и в нашей популярной литературе. Так, Ю. Красовский считал, что все произведения Кампанеллы, кроме «Города Солнца», суть «исключительно дипломатические уловки, вызванные условиями жизни», когда автор вынужден был выражать свои подлинные воззрения «под маской нарочитой теологически-схоластической терминологии, под ширмой рассуждений об идеальной христианской монархии». Подобной же точки зрения придерживается и А. Э. Штекли, автор популярной биографии Кампанеллы⁴.

Однако «теория симуляции» оказалась несостоятельной в свете позднейших, более глубоких изысканий и анализа политических и философских сочинений великого калабрийца. Прежде всего, как справедливо заметила советская исследовательница Л. С. Чиколини, само «предположение, что философ в течение 27 лет умышленно лгал, искусно притворялся, писал против своих интимных убеждений, причем писал со всей серьезностью и большой страстью, создав ряд выдающихся произведений, казалось неубедительным»⁵. Но дело не только в аргументах психологического порядка. Вряд ли можно говорить о политических взглядах Кампанеллы, произвольно исключив из его литературного наследия десятки сочинений, посвященных как общим проблемам политической теории, так и частным, актуальным вопросам современной ему политической действительности⁶. «Политические афоризмы» и «Речи к итальянским государям», «Вопросы политики» и «Рассуждение о церковном правлении», «Предостережение королю Франции» и «Рассуждение о свободе и счастливом подчинении церковному государству», памфлет «К Венеции» и «Обращение к французскому народу», «Рассуждения об увеличении доходов Неаполитанского королевства» и миссионерский труд на стих псалма «Вспомнят и обратятся к господу все концы земли» — таков далеко не полный перечень дошедших до нас политических сочинений фра Томмазо. Частично опубликованные при жизни автора, частично распространявшиеся в рукописях, они имели успех среди современников и в определенной мере влияли на формирование европейского общественного мнения. Многие из них были написаны до калабрийского заговора и неаполитанских тюрем, другие уже после освобождения из тюрьмы, иные одновременно с «Городом Солнца», но, что самое главное, все они перекликаются между собой, в основе их лежит при всем отличии внешних поводов к написанию и литературного оформления единая система политических воззрений.

² L. Amabile. Fra Tommaso Campanella, la sua congiura, i suoi processi e la sua pazzia. Vol. 1. Napoli. 1882, p. 147.

³ L. Blanchet. Tommaso Campanella. P. 1919; И. И. Квачала. Фома Кампанелла. «Журнал Министерства народного просвещения». СПб. 1906, № 10; 1907, №№ 1, 5, 8, 12.

⁴ Ю. Красовский. Фома Кампанелла и его социальная утопия. «Борьба классов», 1935, № 9, стр. 98; А. Э. Штекли. Кампанелла. М. 1966, стр. 283—284.

⁵ Л. С. Чиколини. Социально-политические воззрения Томмазо Кампанеллы. Канд. дисс. М. 1946, стр. 19.

⁶ Странно выглядит поэтому недавняя попытка О. П. Лейста рассматривать государственно-правовые взгляды Кампанеллы, основываясь исключительно на русских переводах «Города Солнца» и отрывка «О наилучшем государстве», полностью игнорируя все остальные сочинения мыслителя и новейшие исследования о нем. См. О. П. Лейст. Вопросы государства и права в трудах социалистов-утопистов XVI—XVII вв. М. 1966.

Поэтому столь же несостоятельной, как отрыв «Города Солнца» от всей совокупности политических трактатов Кампанеллы сторонниками «теории симуляции», представляется попытка новейших католических исследователей представить «Город Солнца» и вообще коммунистическую утопию в качестве случайного и несущественного момента в творческой эволюции мыслителя. «Солнечный миф,— пишет Р. Америо,— есть только косвенное доказательство соответствия, существующего между велениями разума и евангельским учением»⁷. Подобным же образом и Дж. Ди Наполи видит в «Городе Солнца» лишь изображение дохристианского состояния общества, причем отсутствие у соляриев частной собственности и семьи относит к «недостаткам» государства, построенного на чисто философских началах⁸.

Правильно понять подлинное содержание политической утопии Кампанеллы можно, только исходя из всего его литературного наследия, не допуская его модернизации, не замалчивая сложности и противоречивости тех общественно-политических идеалов, которые лежали в основе всей его политической деятельности — от организации калабрийского заговора 1599 г. до попыток в последние годы жизни воздействовать на политику французской короны. При этом первым и необходимейшим условием анализа является исторический подход, учет тех реальных обстоятельств и условий, которыми были вызваны к жизни обе стороны политической утопии Кампанеллы — коммунизм и идея всемирного государства.

Программа социально-политического переворота, задуманная Кампанеллой, охватывала весь земной шар. Мыслитель из Стило, вероятно, первый в истории человечества социальный реформатор, мыслящий общечеловеческими категориями. На меньшее, чем преобразование общественного устройства «всех концов земли», он не соглашался. Но хотя ему были близки страдания американских индейцев, хотя он включал в свои планы реформ далекую Москву, мечтая объединить во всемирной державе народы Европы и Азии, Африки и Америки, в основе его размышлений о будущем человечества лежала забота о судьбах родной земли, Италии, а еще больше — Неаполитанского вице-королевства и, наконец, более всего — о страданиях и бедах его земляков — калабрийских ремесленников и крестьян.

Поэтому и в проповедях своих и в объяснениях, написанных после разгрома калабрийского заговора, фра Томмазо ссылаясь на невыносимое положение, сложившееся в Калабрии, на гнет налогов и разорение крестьян, на раздоры в городах, на набеги турок и местных бандитов. «Слышались жалобы от каждого встреченного на дороге крестьянина,— писал он в «Заявлении» на следствии по делу о калабрийском заговоре 1599 г.,— и от всякого, с кем я заговаривал, я узнавал, что все расположены к переменам»⁹.

Эта вот «расположенность к переменам» и должна послужить ключом к верному пониманию социальных корней политической деятельности и программы Кампанеллы. Первым его выступлением был калабрийский заговор, первый набросок коммунистической утопии содержался в проповедях накануне несостоявшегося восстания. Заговор, который Кампанелла возглавил и за который поплатился 27 годами тюрьмы, слишком часто рассматривался преимущественно как факт биографии мыслителя. Не следует, однако, забывать о месте этого события в бурной социально-политической истории Южной Италии конца XVI сто-

⁷ R. Amerio. Il problema esegetico fondamentale del pensiero Campanelliano. «Rivista di filosofia neoscolastica». 1939. pp. 381—382; ejusd. Campanella. Brescia. 1947. pp. 18—19.

⁸ G. Di Napoli. Il problema dell'ortossia Campanelliana. «Euntes docete». 1963. pp. 90—91.

⁹ См. L. Amabile. Op. cit., p. 153.

летия. Заговор 1599 г. нельзя сводить к личности Кампанеллы, он имел глубокие корни в калабрийской и неаполитанской истории и органически вписывается в историю вице-королевства. При всей пассивности масс, трагическим образом сказавшейся на быстром разгроме заговорщиков после предательского доноса, сама попытка подготовки восстания против испанского владычества на основе радикальной программы общественных преобразований была тесно связана с оппозиционными настроениями низов. Не случайно утопические планы, сформулированные Кампанеллой, нашли одобрение и поддержку в рядах его многочисленных последователей, хотя и не всегда верно, а подчас вульгарно и в искаженном виде (как это было на следствии) понимавших и передавших эти планы. В этих условиях и сама попытка переворота предстает отнюдь не как результат оторванных от жизни келейных раздумий ученого монаха, но как выражение вполне реальных настроений и чувств калабрийских крестьян.

Южная Италия оказалась к концу XVI в. средоточием наиболее острых социальных противоречий. Вся Италия была раздроблена, захватана иноземцами, подчинена более сильным европейским державам, но нигде чужеземное иго не было столь тяжелым и унижительным, как в Неаполитанском вице-королевстве. Во всей Италии этой эпохи заметны симптомы усиления феодальной реакции, экономического упадка и застоя, но нигде они не заходили так глубоко, не приводили к таким бедствиям, как в южноитальянских владениях испанской короны. Слабые ростки раннебуржуазных отношений были задушены на корню; этому в немалой степени способствовала фискальная политика Испании, политика ограбления производительного населения страны, поддержки феодальной знати, церкви и ростовщического (генуэзского, после изгнания евреев из вице-королевства) капитала. Города, ничего не получив от центральной власти, становятся в равной мере добычей королевского фиска и баронского произвола. Политическая система, господствовавшая в Неаполитанском вице-королевстве, сочетала все недостатки иноземной централизации, выражающейся главным образом в фискальном и судебном произволе властей, с пережитками феодального местного произвола, с сохранением баронских тюрем, судебных, налоговых и иных привилегий. К тому же ни государство, ни феодалы не могли защитить население от внешнего врага, от постоянных набегов турок на побережье, не были в состоянии обеспечить и внутреннюю безопасность торговых путей от грабителей.

Особенно тяжким в результате этого многократного гнета казны, баронов, ростовщиков и хлебных спекулянтов было положение калабрийских крестьян. Многие авторы конца XVI в. с гневом и горечью отмечали контраст между природными богатствами Калабрии и отчаянным положением ее жителей. «Если бы только порожденная алчностью низость торгашей и ненасытная прожорливость больших городов королевства не заставляла вывозить хлеб из Калабрии, поистине можно было бы сказать, что земля эта благословенна богом», — писал в 1601 г. историк Джироламо Марафьоти¹⁰. А калабрийский писатель XVI в. Габриэль Баррио свое описание богатств и достоинств родной земли завершал патетическим «Плачем Калабрии»: «Коль скоро такова область Калабрии и столь доходна для государей, она должна бы быть избавлена даже и от справедливых тягот и жить в достоинстве и почете. Но, о времена! — не только отягощена она обычными налогами, но измучена неправедными и тяжкими поборами, так что многие даже вырубили свои виноградники из-за чрезмерного обложения. Добавьте к этому, что оба морских побережья ежегодно подвергаются набегам пиратов, когда

¹⁰ G. Marafioti. *Chronache et antichità di Calabria*. Padova. 1601, f. 311v.

города и села предаются казням, грабежам и огню, сжигаются посевы, а виноградники и оливковые насаждения и прочие деревья вырубаются, и скот, и — что плачевнее и ужасней — люди обоего пола и всякого возраста становятся добычей врагов. Из-за этого опустели города и деревни, и во многих местах заброшены и не возделываются поля. И некому оберегать побережье, и охранять дороги от разбойников и грабителей, и исчислить множество пленников, выкупить их из варварского рабства, вернув к христианской свободе, — зато есть кому без всякой военной надобности каждые три года проводить перепись населения обоего пола и всякого возраста и с самых нищих взыскивать платежи. А к тому же и сама страна изобилует чудовищами — я говорю о царях и тиранах, которые грабят ее, и сдирают с нее шкуру, и присваивают себе леса и холмы, поля и пастбища, реки и рыболовные и охотничьи угодья и все принадлежавшие народу права»¹¹.

В одном из последних своих политических сочинений — в «Обращении к французскому народу», написанном в 1635 г., Томмазо Кампанелла писал о бедствиях родной страны: «Взгляните на Италию. Ваш король одной с вами крови, и даже если он варит вас, то не ест, и если стрижет вас, то не сдирает шкуру, как поступают в Италии без удержу враги ее — испанцы, а также отчасти и местные государи... А что сказать о несчастном королевстве Неаполя и Сицилии, где право и закон — это то, чего пожелает испанская жадность и спесь? Где платят налогов больше, чем имеют имущества, где каждый платит подушную подать в 20 дукатов, даже если он нищий, не имеет ни поля, ни дома и живет своей работой — только за то, что носит голову на плечах; где нет и ничтожной вещи, не обложенной налогом, будь то дары природы или изделия ремесла... и налоги растут из года в год и из месяца в месяц... — Несчастный народ!»¹².

Не случайно именно Южная Италия оказалась в эту эпоху местом наиболее бурных восстаний — от выступления против попытки ввести испанскую инквизицию в 1564 г. до восстания Мазаньело в 1647 году. «Более наглого, неспособного к повиновению народа не сыщешь во всем мире, — писал о неаполитанцах современник, — низкий люд, нищий и продажный, чернь, породившая все народные мятежи и восстания в этом городе и которую ничем не обуздать, кроме как виселицей»¹³. Особенно сильным было выступление городских низов Неаполя в восстании 1585 г., вызванное резким повышением цен на хлеб, переросшее рамки чисто стихийного взрыва ненависти к богачам и раскрывшее способность низших слоев городского населения к организации и выдвижению самостоятельной программы социального переворота, как это показал в своем недавнем исследовании итальянский историк Р. Виллари¹⁴. Один из руководителей восстания, аптекарь Джованни Леонардо Пизано, был связан с теми кругами неаполитанской интеллигенции, к которым несколько лет спустя оказался причастен Томмазо Кампанелла: брат его, профессор университета, был учителем старшего друга Кампанеллы, философа и естествоиспытателя Джамбаттисты Делла Порта, а его коллегой в городском самоуправлении был известный ученый Ферранте Императо¹⁵.

Жестокая расправа над участниками восстания (десятки казненных, сотни осужденных на каторгу, тысячи изгнанников и беглецов) не привела к полному успокоению мятежной столицы вице-королевств-

¹¹ T. Acetius. In G. Barri De antiquitate et situ Calabriae prolegomena. R. 1737, p. 49.

¹² T. Campanella. Opuscoli inediti. Firenze, 1951, pp. 92—93.

¹³ Цит. по: B. Croce. Storia del Regno di Napoli. Bari. 1965, p. 132.

¹⁴ R. Villari. La rivolta antispagnola a Napoli. Le origini (1585—1647). Bari. 1967, pp. 38—48.

¹⁵ Ibid., pp. 51—52.

ва; попытки поднять восстание имели место и в 1591—1592 гг.; в городе возникали «братства» ремесленников и работников мастерских, ставившие своей целью общее участие в религиозных праздниках и обрядах и совместные выступления за улучшение оплаты труда; объединения эти вызвали резкое осуждение со стороны церковных властей. Вместе с тем одним из характерных последствий разгрома восстания явилось распространение в плебейской среде монархических настроений, надежд на благотворное вмешательство сверху, которое должно положить конец произволу баронов, хлебных спекулянтов и ростовщиков.

Но самым, пожалуй, характерным и существенным проявлением социального брожения в Южной Италии этой эпохи явилось широкое распространение «бандитизма». Слово это необходимо здесь употреблять в кавычках — в современном русском языке оно имеет совершенно иное значение; между тем речь идет о явлении, в значительной мере аналогичном тому, что в русской феодальной действительности именовалось «разбоем». Изгнанники всякого рода, деклассированные элементы, вышвырнутые за пределы социальной структуры, люди самого различного социального происхождения — бывшие монахи, мелкие дворяне, разоренные и ставшие жертвой междоусобиц и баронского и судебного произвола, горожане, бежавшие от долгов и налогов либо от преследований после неудачных восстаний, но в особенности доведенные до отчаяния крестьяне, лишенные возможности обеспечить хотя бы простое воспроизводство в своем хозяйстве, составляли социальную базу этого движения. Разбой был единственной формой активного сопротивления властям и местным феодалам, главной оппозиционной силой в вице-королевстве, ферментом социального брожения. Разбойники находили поддержку у сельского и городского населения, отказывавшегося платить десятину и баронскую ренту. Иногда их действия охватывали значительную территорию, где они даже вводили нечто вроде собственной администрации, распределяли среди бедняков награбленное имущество, длительное время оказывая сопротивление регулярным королевским войскам. Таким популярным в народе героем был в 1559—1563 гг. Марко Берарди, прозванный «королем Марконе». В годы после Неаполитанского восстания 1585 г. на протяжении 6—7 лет, в Калабрии действовали отряды Марко Шцарры, именовавшего себя «Бич божий и комиссар, посланный богом против ростовщиков и накопителей лишних богатств»¹⁶. Разбойники пользовались поддержкой и среди нищего сельского духовенства, и часто монастыри служили убежищем для скрывавшихся от испанских властей.

Разумеется, не следует идеализировать разбойное движение. Оно носило стихийный характер, и границы между социальным протестом и обычным насилием и грабежом оказывались подчас весьма зыбкими. Именно за это отсутствие четкой программы, за чисто анархистско-разрушительную тенденцию Кампанелла осуждал разбойников, восставших против «старого закона» и не ставивших целью введение «нового закона»¹⁷. Но вне того социального брожения, проявлением которого стала поднимавшаяся в 1596—1600 гг. в Калабрии волна «бандитизма», нельзя понять и заговор Кампанеллы.

Неисчислимые бедствия, обрушившиеся на крестьянские массы и городские низы Калабрии, способствовали распространению в их среде эсхатологических, мессианистских настроений. Оживают средневековые традиции напряженного ожидания всемирного космического переворота, который должен привести к установлению царства божия на земле. Распространяется вера во всевозможные знамения и пророчества; в немалой степени этому способствовал и упадок влияния и автори-

¹⁶ Ibid., pp. 67—84.

¹⁷ Ibid., p. 82.

тета официальной церкви. Проповеди Томмазо Кампанеллы, с которыми он обращался к своим слушателям в 1599 г., находили благодарную почву. Неверно считать, что калабрийский монах приспособливался к уровню своих прихожан: он сам был во власти тех же эсхатологических настроений. Вера в пророчества и астрологические предзнаменования служила идеологическим оправданием подготавливаемого им восстания. Свои надежды на коренные изменения в общественном устройстве, свои планы преобразования человеческого общества, свои мечты об установлении справедливого, естественного и разумного строя Кампанелла неизменно связывал с ожиданием космического переворота, знамения которого виделось ему повсюду. Он ссылался на землетрясения, голод, эпидемии, наводнения, а более всего — на появление новых звезд и комет. Изобретение книгопечатания и артиллерии, открытие Америки и наблюдения Галилея — все это служило для него свидетельством наступления новой эры, бесспорным доказательством приближающегося великого обновления, которое должно было привести к установлению справедливого общества — царства божия на земле. Необходимость и неизбежность радикальных перемен он обосновывал библейскими пророчествами, откровениями средневековых святых, предсказаниями древних мудрецов.

Не только в проповедях перед невежественными и суеверными земляками — участниками калабрийского заговора, но и в разговорах с неаполитанским астрономом Стильолой обсуждал Кампанелла грозные признаки грядущих перемен. Неверно видеть в его астрологических пророчествах хитрую уловку, предпринятую для того, чтобы ввести в заблуждение королевских судей (астрология была запрещена как ересь, и ссылки на нее никак не облегчали положение подсудимого). В письмах к Галилею неаполитанский узник ссылался на свое сочинение, которому придавал особый смысл, «О признаках гибели мира в огне»; впрочем, речь шла не о полной гибели, а «о некоем обновлении». Получив знаменитый «Диалог» Галилея, он выразил сожаление, что в сочинении тосканского математика не затронуты «желательнейшие» для него вещи, а именно «аномалии», сдвиги в мироустройстве, которые вместе с открытием «новых миров», новых светил, новых систем, новых народов свидетельствовали о «начале нового века»¹⁸. «Когда все движения неподвижных и блуждающих звезд вернутся к исходному началу, тогда завершится превращение всех вещей и путь мировой жизни, и наступит то, что вечный Разум сочтет прекрасным и благим», — предсказывал Кампанелла-астролог в «Великом итоге»¹⁹. Даже в строгих и трезвых «Политических афоризмах», в которых он, по собственным словам, «основал политическую науку», он подкреплял свою программу преобразования мира ссылкой на приближающуюся космическую катастрофу, и тогда четкие формулировки рассудительного политика сменялись поэтическими озарениями пророка: «Завершится мирское владычество, когда всякое государство превратится во всякое государство, и всякая секта во всякую секту, и всякое мнение во всякое мнение, и наступит конец света, когда всякая вещь станет всякой вещью в изменчивом мире, и мирские числа будут снесены и побеждены числами вечными». Это туманное эсхатологическое пророчество разъясняется в более земном плане в другом афоризме: «Поскольку переменятся все секты и религии и [их] главные формы и [формы] других сообществ, человечество с необходимостью придет к изначальному естественному и божественному государственному устройству, чтобы правил один первосвященник с сенатом оптиматов, избранным лучшими и из их числа, как поставил бог и как я доказал в «Христианской монархии», что в соответ-

¹⁸ T. Campanella. Lettere. Bari. 1927, pp. 167, 241.

¹⁹ T. Campanella. Epilogo Magno. R. 1939, p. 218.

вии с пророчествами и по естественному круговороту вещей следует прийти к первоначальному невинному естественному состоянию»²⁰.

Не следует забывать, что астрология была для Кампанеллы наукой, и притом точной наукой. Поэтому и «возврат к невинному естественному состоянию» человечества он рассматривал как неизбежный результат «естественного круговорота вещей», под которым понимал господствующую в космосе объективную закономерность. Непознанная, она именуется в «Роком, Судьбой и Случаем», но, осмысленная людьми, воплощается в «Благоразумии» человеческого поведения, считающего с обстоятельствами. Когда люди следуют предвестиям Рока, писал Кампанелла в «Испанской монархии», все их дела процветают, когда идут против Рока, то оказываются в затруднении. Впрочем, астрология не вела к фатализму: «естественный круговорот вещей» лишь создает предпосылки для свободного человеческого деяния. Поэтому, не полагаясь на благоприятное стояние светил и на божественную волю, человек должен сам стремиться к преобразованию мира. Но если Кампанелла и стремился с помощью астролого-эсхатологических представлений обосновать и осветить задуманный им социальный переворот, то самая мысль о назревшей необходимости глубоких перемен возникла из современной ему политической действительности, из очевидных и нетерпимых народных бедствий и в теории грядущих мировых катаклизмов получала лишь видимость «научного» и теологического оправдания.

Главную причину всех бедствий и неурядиц современного ему мира Кампанелла видел в социальном неравенстве, существовании богатства и нищеты. «Во всем христианском мире, — писал он в «Испанской монархии», — обнаруживается это заблуждение, что одни — бедняки, а другие — богачи... И сегодня мы видим, что у одного есть сто тысяч скуди дохода, а у тысячи людей нет и трех скуди на одного. И тот, у кого сто тысяч, захватывает доход тысячи людей и тратит его на собак, лошадей, шутов, дорогие одежды и, хуже того, на блудниц. А если бедняк вступит с ним в спор, то не сможет добиться справедливости и становится изгнанником или умирает в тюрьме, а богач угнетает кого ему угодно, потому что судья от него зависит, поскольку судьями становятся благодаря покровительству, а еще больше за деньги»²¹. Богатство и бедность, власть денег приводят к господству в обществе частного интереса, к погоне за наживой, к разрушению нравственности. Открытие Нового Света, хлынувший оттуда поток золота и последовавшая за ним революция цен принесли неисчислимые бедствия. «Поистине можно сказать, что золото Нового Света в известном смысле погубило Старый Свет, потому что оно породило жадность в наших душах и уничтожило взаимную любовь между людьми. Каждый обращает любовь свою на деньги, а из этого произошли мошенничества, и люди часто продают и перепродают свою веру, видя, что деньги пользуются поклонением и имеют власть надо всем, и подчинили корысти науку и религиозную проповедь, и забросили земледелие и ремесла, став рабами денег и богачей. Одновременно золото породило великое неравенство между людьми, так что одни слишком богаты, что делает их наглыми, а другие слишком бедны, что превращает их в завистников, воров и убийц»²².

В книге на стих псалма «Вспомнят и обратятся...» Кампанелла подверг критике теологическое оправдание социального неравенства и господства людей над людьми. «И сказал я, обращаясь к философии: что сделало человека господином над человеком? Род ли его

²⁰ T. Campanella. Aforismi politici. Torino. 1941, pp. 121—122.

²¹ T. Campanella. Della Monarchia di Spagna. «Opere scelte». Vol. 2. Torino. 1854, p. 148.

²² Ibid., pp. 142—143.

или кровь? И ответила она: Никоим образом! ибо все ведут свой род и по крови происходят от Адама, дабы царила взаимная любовь и один не возвышался над другим... Кровь не может быть причиной знатности: блохи и вши, родившиеся от человеческой крови, не именуются поэтому людьми, и этим ясно доказано, что люди, родившиеся от царей, не являются поэтому царями. Так бог ли так устроил? Никак нет. Ведь он сказал: «Да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями» — а не над людьми. Так не воплощенная ли это мудрость божия? Ни в коем случае; ведь сказал Христос: «Цари владычествуют над народами, а вы не так». Появление социального гнета Кампанелла объясняет «звериным язычеством», которое сделало «людей над людьми господами»²³.

Господство в обществе неравенства, частного интереса порождает ничем не сдерживаемое себялюбие, индивидуализм. Воплощением этих пороков Кампанелла считал макиавеллизм, который именовал одним из двух «рогов Антихриста». В политическом учении флорентийского секретаря Кампанелла увидел прежде всего ненавистную ему проповедь частного интереса и обоснование идеи государственной необходимости, в жертву которой ради укрепления власти государя приносятся интересы народа. Свой «Побежденный атеизм» (который сам автор именовал «Антимакиавеллизмом») он задумал как книгу против «политиков и макиавеллистов — этой чумы нашего века... основывающих государственную необходимость на себялюбии»²⁴. «Суть учения о политической необходимости», — писал Кампанелла в 1607 г., — которую они называют государственной необходимостью, — в том, чтобы ставить часть выше целого, а себя самого выше рода человеческого, и выше, чем мир, и выше бога. Эти подлые рассуждения суть порождения себялюбия, немощи и невежества»²⁵.

«Государи... почитают Макиавелли за Евангелие», — писал он папе Павлу V. «Ведь никто не верит ни в Библию, ни в Коран, ни в Евангелие, но верят только в личную пользу. Почти все ученые и государи суть политики-макиавеллисты»²⁶. «Государственная необходимость — это понятие, придуманное тиранами, — утверждал он в «Политических афоризмах», — так как им кажется, что для сохранения и приобретения власти можно преступить любой закон... Она имеет в виду личное благо того, кто правит»²⁷. Так социальное неравенство усугубляется государственным угнетением. Государи заботятся не о народном благе, а о личной выгоде. Ради укрепления своего тиранического правления они ведут друг с другом бесконечные войны, принося народам неисчислимые страдания.

Против частного интереса и социального неравенства, тирании государей и раздоров, против основы всех бед — частной собственности — направлена вся политическая деятельность Кампанеллы. Только в свете этого протеста можно понять его страстную полемику с макиавеллистами, его выступление против Реформации с ее учением о предопределении, церковных расколов и государственных конфликтов, во имя нового социального строя, во имя единства всего человечества. Эта программа Кампанеллы лежит в основе всех его на первый взгляд разнородных сочинений. Ею определяется глубокое внутреннее единство социальной утопии «Города Солнца», плана государственных преобразований «Испанской монархии», идеи всемирного единения, провозглашенной в «Монархии Мессии».

²³ T. Campanella. Quod reminiscuntur. Padova. 1939, p. 66.

²⁴ T. Campanella. Lettere, p. 26.

²⁵ Ibid., p. 100.

²⁶ Ibid., pp. 41, 103.

²⁷ T. Campanella. Aforismi politici, p. 102.

Подобно горе Сило, которую он в речах перед участниками калабрийского заговора именовал горой изобилия и свободы, высится в воображении неаполитанского узника неприступная гора, на которой расположен Город Солнца — наиболее полное воплощение программы социально-политического преобразования общества. Рациональная, научная организация жизни коммунистической общины, в соответствии с природой и ее законами, воплощенными в движении небесных светил, находит свое выражение уже во внешнем виде и устройстве идеального града: четыре мощные улицы, пересекающие его и обращенные к четырем сторонам света, обеспечивают проветривание и здоровые условия жизни соляриев, а «семь обширных поясов или кругов, называющихся по семи планетам», увенчанные храмом, в котором на алтаре находятся два глобуса — земной и небесный, а на своде — изображения всех звезд, символизируют одновременно и культ науки (в астрологическом преломлении) и натуралистический характер религиозного культа соляриев.

Соответствие устройства Города Солнца природе есть выражение разумности и того социального строя, который установлен в государстве соляриев. «У них все общее» — основу программы Кампанеллы составляет упразднение частной собственности, причины неравенства: «Община делает всех одновременно богатыми и вместе с тем бедными: богатыми — потому, что у них есть все, бедными — потому, что у них нет никакой собственности, и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им»²⁸.

Ликвидация частной собственности соединена в Городе Солнца с упразднением моногамной семьи в ее тогдашней форме²⁹. Общность жен не есть результат заимствования из литературных источников (Платон). Дело в том, что Кампанелла из существования семьи выводил возникновение частной собственности и социального неравенства: «Собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей», а «отсюда возникает себялюбие»³⁰. Вместе с тем общность жен в Городе Солнца служит «научному» («согласно правилам философии») государственному контролю за деторождением. Солярии «издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой». В соответствии с биологическими и астрологическими теориями Кампанеллы «священная обязанность» наблюдения за производством потомства, «как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц»³¹. Государство берет на себя всю заботу о подрастающем поколении, о воспитании и просвещении детей, подготовке их к труду. Педагогические идеи Кампанеллы — принципы наглядного обучения, сочетание физического воспитания и образования, выявление наклонностей и способностей детей для наилучшей подготовки их к участию в общем труде — противостояли невежеству народа в современном ему обществе.

Важнейшая черта социального строя идеального государства Кампанеллы — всеобщее участие в труде. Граждане Города Солнца «издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством...», и «того почитают за знатнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела». Благородным признается в общине соляриев всякий труд. Благодаря всеобщему

²⁸ Т. Кампанелла. Город Солнца. М. 1954, стр. 45, 71.

²⁹ Там же, стр. 72.

³⁰ Там же, стр. 45.

³¹ Там же, стр. 44, 64, 67.

участию в труде и применению технических новшеств они добиваются сокращения рабочего дня и всеобщего изобилия³².

Однако социальный строй Города Солнца чужд грубому уравнительству средневековых утопий. В нем существует не только разделение труда, связанное с физиологическими особенностями людей (освобождение женщин от тяжелых физических работ), с их способностями (самый неспособный «служит соглядатаем, донося государству обо всем, что услышит»³³), — все виды труда признаются равно почетными и необходимыми для общества. Позднее, в «Богословии», Кампанелла решительно оспаривал уравнилельно-коммунистические течения своего времени. «Женевцы и анабаптисты, — писал он, — желающие, чтобы все гражданам жили трудом своих рук, поступают так, как если бы человеческое тело состояло из рук и ног, не имея ни, глаз, ни ушей... Но если все общество должно жить подобно человеческому телу, как повелевает природа... то нужно, чтобы большинство занималось ручным трудом, а некоторые предавались созерцанию, а иные сверх того обучали других, так, чтобы все трудились, и никто бы не оставался без дела, но не все бы работали руками, иначе все уподобились бы руке. Благое же является, чтобы все жили общиной и чтобы все имущества были общими»³⁴.

Этим обособлением умственного труда объясняются и специфические черты политического устройства общины солариев. Все вопросы хозяйственной, культурной и даже личной жизни граждан идеального государства решает здесь своеобразная духовная иерархия. Во главе общины стоит верховный правитель, он же первосвященник, именующийся «Солнце», «Метафизик» и обозначаемый Кампанеллой с помощью астрологического солнечного символа. Вместе с тремя своими соправителями (Мощь, Мудрость и Любовь) он назначает всех должностных лиц. Пожизненное избрание высших правителей основывается на совершенстве их познаний в науках. Решающую роль образования в деле государственного управления Кампанелла подчеркивает постоянно, противопоставляя роль науки в Городе Солнца положению в современных ему абсолютистских государствах, где «ставят главами правительства людей невежественных, считая их пригодными для этого лишь потому, что они либо принадлежат к владетельному роду, либо избраны господствующей партией»³⁵.

Все должностные лица Города Солнца являются просвещенными специалистами и именно в силу своих познаний занимают соответствующие посты. Характерны сами наименования должностей: Астролог, Космограф, Геометр, Историограф, Медик, Физик, Экономист, Агроном, Скотовод, Стратег, Кузнечных дел мастер, Инженер и т. п. Политическая власть в государстве солариев соединена со священнослужением: первосвященником является Метафизик, священниками — высшие должностные лица. Они ведают богослужением и исповедуют граждан. При храме существует и особая коллегия жрецов. Но и они принадлежат к своеобразной ученой элите государства: они не только поют псалмы, но «на их обязанности лежит наблюдать звезды, отмечать их движения при помощи астробии и изучать их силы и воздействия на все дела человеческие... Они определяют время для оплодотворения, для посева, жатвы, сбора винограда..., записывают замечательные события и занимаются научными изысканиями»³⁶. Описание религии солариев — «закона природы», близкое к христианству, не добавляющему «сверх природных законов ничего, кроме таинств, способствующих их соблюде-

³² Там же, стр. 50.

³³ Там же, стр. 73.

³⁴ Цит. по: N. Badaloni. Tommaso Campanella. Milano. 1965, p. 283.

³⁵ Т. Кампанелла. Указ. соч., стр. 52.

³⁶ Там же, стр. 105.

нию»³⁷, соединяется в сочинении Кампанеллы с изложением натурфилософских и научных представлений.

В этом объединении церковной и политической власти исследователи утопии Кампанеллы видели «идеал церковно-политического режима», объясняемый чаяниями «интеллигентных кругов», к которым принадлежал сам Кампанелла, и влиянием «старых феодально-церковных традиций»³⁸ или «вынужденное приспособление... к условиям современности» пленника и жертвы инквизиции, облекавшего свои идеи в «мистическую и теократическую форму»³⁹. Однако теократия Кампанеллы не есть простое перенесение в коммунистическую утопию традиций средневекового католицизма. Суть дела не в монашеском прошлом мыслителя и не в его стремлении приспособить свою программу к интересам церкви. В основе разумной организации общины соляриев лежит наука в том ее понимании, какое характерно для натурфилософии Кампанеллы, наука, связанная с астрологией, обладающая «магической» силой воздействия на основе познания тайных сил природы. В теократической форме в «Городе Солнца» выражена глубоко прогрессивная мысль о первостепенной роли знания в коммунистической общине. Теократия Кампанеллы сильно отдает технократией. Вместе с тем не следует забывать об особой роли, которую играет в системе представлений калабрийского утописта «магический», связанный с натурфилософией и астрологией характер натуралистического культа соляриев. Сохраняя религию (в реформированном виде) в своей программе идеально-го государства, Кампанелла исходил из мысли о важном значении духовного единства общества. «Общность душ создается и сохраняется благодаря основанной на науке религии, которая есть душа политики и защита естественного закона», — писал он в «Политических афоризмах»⁴⁰. «Вера и религия обладают магической силой в государстве», так как «объединяют души людей», — убеждал он венецианцев в памфлете «К Венеции»⁴¹. Иной силы, способной воздействовать на массы, Кампанелла не знал. В его теократии воплотился идеал научного руководства обществом со стороны ученых-специалистов и одновременно стремление соединить политическую власть с идеологическим воздействием.

Калабрийский заговор потерпел неудачу. Но он не остался изолированным эпизодом в биографии Кампанеллы. Не ради литературного упражнения писал он «Город Солнца» в неаполитанских подземельях. Это была программа, но уже не только программа неудавшегося восстания, а план всеобщего преобразования. И ему не противостоят, но органически к нему примыкают все остальные политические сочинения Кампанеллы, отражающие все тот же идеал социально-политических преобразований. Нельзя поэтому не согласиться с выводом Л. С. Чиколлини о том, что «политические сочинения Кампанеллы задуманы и написаны по одному плану, являются дополнением и развитием друг друга. Основные принципы политики, намеченные им в политических сочинениях, не расходятся и с «Городом Солнца»⁴².

Однако провал калабрийского заговора заставил Кампанеллу пересмотреть вопрос о путях осуществления его радикальных планов. Он пытается понять причины пассивности народных масс, не поддержавших калабрийских заговорщиков, найти средства для воплощения своего со-

³⁷ Там же, стр. 119.

³⁸ В. П. Волгин. Коммунистическая утопия Кампанеллы. В кн.: Т. Кампанелла. Город Солнца, стр. 27.

³⁹ В. Ф. Асмус. Томмазо Кампанелла. «Под знаменем марксизма», 1939, № 7, стр. 102.

⁴⁰ T. Campanella. Aforismi politici, p. 91.

⁴¹ T. Campanella. Antiveneti. Firenze. 1945, pp. 105, 110.

⁴² Л. С. Чиколлини. Указ. соч., стр. 382.

циально-политического идеала. В своих политических сочинениях он постоянно обращается к волнующим его примерам восстания Дольчино в Северной Италии и главы мюнстерских анабаптистов Иоанна Лейденского, попытавшегося осуществить идеалы уравнительного коммунизма в Мюнстерской коммуне. Их поражение Кампанелла объяснял тем, что в их попытках «язык», то есть социально-религиозная проповедь, не был поддержан «мечом» — военно-государственной силой. Потеряв надежду на выступление народных масс, Кампанелла стремится сделать орудием радикальных общественных преобразований государственную власть. Не для того, чтобы выслужиться перед вчерашним врагом, писал он «Испанскую монархию», а для того, чтобы разработанную им политическую программу осуществить в рамках всемирного государства. Тот «меч», которым должен был стать в калабрийском восстании Маврицио де Ринальдис, воплощен теперь для него во власти могущественнейшего из европейских государей — сперва испанского, а затем французского короля. Орудием же духовного единения человечества должно стать христианство — в том новом толковании, какое дает ему Кампанелла и которое весьма напоминает «магический» культ соляриев.

Всемирное единение человечества — этой цели посвящены многие произведения Кампанеллы. Утопия всемирной монархии — столь же существенная часть его программы, как и план социальных преобразований. Коммунистическое устройство мыслится им в рамках всемирного государственного и духовного единства. В призывах к испанской короне и к папскому престолу об установлении «единогласия» он выступал не в качестве придворного панегириста и апологета. Он стремился не к расширению существующей власти папы и короля, а к коренному преобразованию современного ему государства и церкви. В его сочинениях звучит не просительный тон советника, а мощный и требовательный голос учителя и пророка.

В эпоху возникновения и укрепления национальных государств на развалинах того фиктивного единства, каким была Священная Римская империя, в эпоху реформированных или хотя бы и оставшихся в рамках католицизма, но добивающихся независимости от Рима национальных церквей эта мысль о всемирной теократической монархии во главе с римским первосвященником выглядит странным анахронизмом, пережитком средневековья, реакционной попыткой реставрации былого единства католического мира. По мнению Б. Кроче, в этой своей программе Кампанелла «не опередил эпохи, а, наоборот, возвращался назад, к средневековой идее универсальной империи»⁴³.

Но, доказывая необходимость единения («это дьявол ввел в мир множество независимых от единой власти княжеств, посеяв среди нас честолюбие, невежество и последовавшие из этого расколы, ереси и грехи вопреки божественному единству») ⁴⁴, Кампанелла руководствовался отнюдь не интересами папского престола. Он исходил из своего представления о единстве человеческого рода, о той пользе, которую прекращение раздоров принесет земной жизни людей, избавлению от голода и болезней, развитию и распространению наук; все это весьма далеко от средневековья. Власть Рима и достижение духовного единства человечества в рамках обновленного католицизма не цель, а средство установления Монархии Мессии — справедливого правления, царства божия на земле. Не случайно именно в этом сочинении Кампанелла обличает абсолютизм и тиранию и обосновывает учение о сущности государственной власти, которая происходит от бога, но дается властителям

⁴³ Б. Кроче. Коммунизм Томмазо Кампанеллы. В кн.: Б. Кроче. Исторический материализм и марксистская экономия. СПб. 1902, стр. 304.

⁴⁴ T. Campanella. Monarchia Messiae. Aesii. 1633, p. 14.

не непосредственно богом, а от бога через посредство народа⁴⁵. Не случайно план создания всемирной монархии сочетается с требованием обобществления имуществ, «ибо Христос пришел не разделить земные блага, но сделать все общим»⁴⁶.

С учением Кампанеллы о государстве как орудии управления в интересах народа связан и его антимакиавеллизм. Против Макиавелли выступали и иезуиты и иные идеологи католической реакции, обличавшие в учении флорентийского секретаря ненавистное им светское государство, вырвавшееся из подчинения церкви. Но если для этих критиков макиавеллизма важно было восстановить подчинение светского государства церкви, то в утопической программе Кампанеллы и государственная власть и церковь должны были подчиниться главному — установлению справедливого общественного устройства, установлению царства божия — царства социальной справедливости — на земле. Этой цели подчинены и общие теоретические построения Кампанеллы и конкретные советы и предложения, с которыми он обращался к европейским государям — будь то неаполитанские вице-короли, кардинал Ришелье, папа римский или король Испании.

В «Испанской монархии» Кампанелла опровергает тех, кто полагает, что государство существует для государя, что государь правит ради своего собственного блага. Государственная власть должна иметь в виду интересы всего народа, а не богатой и знатной верхушки общества. «Законы, — подчеркивал Кампанелла, — должны быть таковы, чтобы народ исполнял их скорее из любви, чем из страха, видя, что они полезны ему. Ибо, когда законы полезны только королю или немногим его приспешникам, народ их ненавидит»⁴⁷. Идея государственной необходимости Кампанелла противопоставил в «Политических афоризмах» идею равенства, имеющего в виду общественное благо. При разумном государственном устройстве законы должны ввести «равенство, эту кормилицу государства, и устранить пагубное неравенство», а для этого следует иметь в виду «общественное богатство, частную бедность и справедливое правление»⁴⁸. Государство гибнет от «обогащения и усиления баронов», от их насилий и грабежей страдают подданные. Необходимо сократить доходы знати, ликвидировать частные тюрьмы. Силу в глазах государя должна иметь не знатность, а доблесть, для этого надо «считать благородным всякого достойного человека». Установлению равенства должна служить налоговая политика. Грабительской финансовой политике испанской короны Кампанелла противопоставляет новую систему налогового обложения. Необходимо «больше думать о бедных, чем о богатых», обложить налогами баронов и ростовщиков, ввести подоходное обложение, чтобы «богатых приравнять к бедным и увеличить доходы»; установить монополию хлебной торговли и запретить спекуляцию хлебом. Государственные средства должны расходоваться на общенародные нужды — на содержание войска, на просвещение⁴⁹. Все эти меры должны, по мысли реформатора, привести к осуществлению его социальной программы — к общности имуществ. Государство, в котором царит общность имуществ, Кампанелла называет «наиболее естественным», то есть соответствующим природе. «Равенство имуществ делает государство совершенным, устойчивым и прочным», — пишет он в «Политических афоризмах»⁵⁰. К общности имуществ по примеру апостолов призывает он и в «Монархии Мессии»⁵¹.

⁴⁵ Ibid., p. 70.

⁴⁶ Ibid., p. 59.

⁴⁷ T. Campanella. Della Monarchia di Spagna, p. 118.

⁴⁸ T. Campanella. Aforismi politici, pp. 101—102.

⁴⁹ T. Campanella. Della Monarchia di Spagna, p. 150.

⁵⁰ T. Campanella. Aforismi politici, p. 90.

⁵¹ T. Campanella. Monarchia Messiae, p. 59.

Программа Кампанеллы предусматривает и заботу государства о науке и просвещении. Он призывает учреждать училища, поощрять занятия естественными и математическими науками, организовывать путешествия и экспедиции в дальние земли с научными целями. Кампанелла предлагает коренную реформу армии. Речь идет не только об упразднении сословных привилегий, но и о создании всенародного войска. Во всеобщем вооружении народа он видит гарантию справедливого правления. «Чтобы народ не бунтовал,— писал он в «Испанской монархии»,— лучше вооружить его, чем разоружить. Тогда, если ты будешь хорошо управлять, народ употребит оружие в твою пользу, а если будешь править дурно и неблагоразумно, то народ, хотя бы он и не был вооружен, восстанет и найдет себе оружие, и повернет его против тебя»⁵².

Утопия всемирной монархии порождена в политической программе Кампанеллы стремлением прекратить братоубийственные войны, которые он называет «противоестественными». Это дьявол устроил так, «чтобы все мы находились в пределах наших стран, как черви в сыре», пишет он в «Монархии Мессии». Только во всемирном единении Кампанелла видит залог избавления от войн, от голода, от эпидемий: не может быть одновременно голод повсюду, поэтому в едином государстве одни земли смогут помочь своим хлебом другим; переселение народов в здоровые места избавит их от болезней, а мир позволит заняться науками и прийти к изобилию. Благодаря безопасности путешествий и свободным связям между людьми «приумножится науки» и установится всеобщее братство⁵³. Эта всемирная монархия не мыслится Кампанеллой как деспотическое правление одного сильнейшего государя. Это скорее своего рода союз государств и народов. Во главе его должен стоять римский первосвященник. В Риме следует учредить сенат, в который войдут либо главы всех государств, либо их представители. Все государи обязуются повиноваться постановлениям этого сената. Безусловно, воспрещаются всякие войны, все споры должны решаться путем мирного обсуждения. Если же какой-нибудь тиран вздумает нарушить общее согласие, то все остальные государи должны совместно выступить против нарушителя мира⁵⁴.

Одновременно с коренным преобразованием общественно-политического устройства Кампанелла призывает и к реформированию существующей католической церкви. Исходя из представления о необходимости духовной общности граждан всемирного государства, Кампанелла обращается в труде «Вспомнят и обратятся» ко всем правителям и народам земли с призывом прекратить религиозные споры и объединиться в едином христианстве. И в «Монархии Мессии», и в «Побежденном атеизме», и в других полемических и теологических сочинениях он подчеркивает, что все разумные люди, живущие в согласии с «естественным законом», являются, даже не осознавая того, христианами. Само христианство истолковывается при этом в духе «закона природы», то есть религии, свойственной всем людям, какую исповедуют граждане Города Солнца. В собственно догматические конфликты с церковью Кампанелла, в отличие от деятелей Реформации, при этом не вступает. «Я рассматриваю нравственные предписания Христа,— писал он папе Павлу V,— и показываю с помощью живой божественной магии, что они соответствуют закону природы, и раскрываю, что Христос есть любовно правящий первый разум»⁵⁵.

Однако реально существующая католическая церковь столь же ма-

⁵² T. Campanella. Della Monarchia di Spagna, p. 111.

⁵³ T. Campanella. Monarchia Messiae, pp. 14—15.

⁵⁴ T. Campanella. Quod reminiscitur, pp. 68—71.

⁵⁵ T. Campanella. Lettere, p. 55.

ло подходила для роли орудия преобразования общества, как и феодальная испанская монархия. Кампанелла требует глубоких и радикальных реформ церкви. Современная религия, писал он в «Богословии», стала школой тех, кто хочет избежать наказаний, и уловкой государей, и прикрытием преступлений, и тяготой для государства, и обманом несчастных⁵⁶. Современными священники «живут, как и государи, в соответствии с учением о государственной необходимости», писал он Павлу V и предлагал, «чтобы все духовенство, красное или белое, зеленое или черное, ходило в церковь босиком, и постилось, и пило простое вино, и ело мужицкий хлеб». Он поучал римского первосвященника: «Нужно управлять церковным государством так, чтобы все другие народы испытывали зависть и стремились подпасть под владычество церкви. А где теперь различие между подданными церкви и иных государей? — Казни и налоги, тюрьмы, пытки и притеснения подобны во всем»⁵⁷.

Церковь не сможет осуществить всеобщее преобразование, если «римский клир не реформирует сам себя». При этом Кампанелла не сторонник ликвидации церковных имуществ. Конфискация богатств церкви в пользу светских государей, дворянства и буржуазии, как это было в странах победившей Реформации, его не устраивает. Он предлагает иначе использовать церковные имущества, в духе все той же коммунистической программы: монастыри должны стать ячейками социального преобразования, в них все должно быть общим, и служить они должны всему народу. При этом сами монашеские ордена должны подвергнуться коренному преобразованию. Их следует превратить в общественно полезные учреждения, основав при них бесплатные народные школы; монахи должны оказывать бесплатную медицинскую помощь, специализироваться в науках и ремеслах и обучать крестьян земледелию и скотоводству, превратившись в некое подобие той учено-жреческой касты, которая заправляет делами Города Солнца. Необходимо покончить с nepотизмом, с привилегиями; и главой римской церкви должен стать мудрый и образованный человек — сродни Метафизику из общины соляриев.

Итак, та всемирная, теократическая монархия, которую проповедовал Томмазо Кампанелла, не имела ничего общего ни с притязаниями испанской короны, ни с реальной политикой папского престола. Не случайно «Испанская монархия» не нашла поклонников при мадридском дворе, а «Монархия Мессии» была уничтожена папской цензурой. И то «Царство Божие», которому посвящен вошедший в последнее прижизненное издание «Реальной философии» Кампанеллы специальный трактат, есть «царство божие» на земле, царство всеобщего равенства и справедливости: «Так как всеобщее счастье всего человеческого рода, желанное от века и проповеданное науками, не может не осуществиться, и все ненавидимые бедствия не могут прекратиться иначе, как в Царстве Божием... и не может быть тщетным это всеобщее стремление, и не могут не исполниться писания пророков, я желаю теперь сказать нечто о Царстве Божием, в утешение всем народам и ради согласия, надежды и утешения государей»⁵⁸, — писал он в своем политическом завещании. И в XIV книге «Богословия» он еще раз возвращается к своему идеалу, объединяя программу коммунистического общественно-го устройства с проповедью всемирного единения.

Страстно веря в возможность и необходимость осуществления «царства божия» — Города Солнца на земле, Кампанелла возлагал свои надежды на политиков XVII столетия, в том числе на кардинала Ри-

⁵⁶ N. Badaloni. Op. cit., p. 282.

⁵⁷ T. Campanella. Lettere, p. 44.

⁵⁸ T. Campanella. De Regno Dei (Disputationum... libri quatuor). P. 1637, p. 212.

шеле, или на только что родившегося наследника французской короны. В «Эклоге на рождение дофина» он мечтал:

Соединятся цари, воедино сольются народы.
Солнечным названный Град воздвигнет великий герой⁵⁹.

Людовик XIV не оправдал возложенных на него калабрийским изгнанником надежд. Он не воздвиг Город Солнца — его самого придворные панегиристы назвали «король-Солнце». Восторжествовала макиавеллистская идея государственной необходимости абсолютной монархии. Политическая программа Кампанеллы обернулась утопией.

Итак, идеалы утопического коммунизма сочетаются в политической программе Томмазо Кампанеллы с пропагандой всемирной теократической монархии; он отвергает учение о государственной необходимости, являвшееся идеологическим обоснованием абсолютизма; он выступает против Реформации и конфискации церковных имуществ; страстно обличает жадность наживы и погоню за золотом, охватившие европейский мир в эпоху первоначального накопления. В эпоху зарождения капиталистического производства он отвергает частную собственность — главную основу буржуазного развития.

Однако он ни в коей мере не выражал при этом тоску феодального дворянства по безвозвратно прошедшим патриархальным временам их полного и невозмутимого владычества или притязания папского престола на утраченное всеевропейское могущество. Социальная природа мировоззрения Кампанеллы выявляется в его отношении к классовой противоречивости буржуазного прогресса. Зарождение и первые шаги нового общества сопровождались неисчислимыми бедствиями народных масс, разорением и гибелью плативших за каждый шаг капиталистического развития. Кампанелла не мог понять неразрывности обеих сторон единого исторического процесса. Приветствуя достижения и плоды развития цивилизации, научно-технические результаты эпохи великих открытий, он гневно осуждал ту погоню за золотом, которая попутным ветром надувала паруса колумбовых каравелл.

Поэтому спорным и неубедительным представляется вывод Л. С. Чиколини, что Кампанелла «выступает перед нами идеологом беднейшей части тогдашней интеллигенции» (к аналогичным результатам пришел недавно и Р. Виллари)⁶⁰. Н. Бадалони гораздо глубже и вернее определяет духовную драму Кампанеллы как драму, пережитую всей европейской культурой в связи с наступлением капиталистической эры⁶¹. Утопия Кампанеллы — выражение плебейской оппозиции бесчеловечным формам классового гнета. В ней нашли свое выражение и сила протеста против несправедливости и неравенства и страстная мечта об ином, совершенном общественном строе, а одновременно — слабость и бессилие угнетенных масс. Именно поэтому в утопии Кампанеллы гневный протест против угнетения сочетается с надеждой на благотворительное вмешательство сверху, революционность — с попыткой убедить сильных мира сего в необходимости желательных перемен, разоблачение макиавеллистского использования религии как орудия политического господства со стремлением объединить человечество в очищенном от злоупотреблений христианстве, общность имуществ — с теократией.

Социальным происхождением программы Кампанеллы объясняются и многие существенные черты изображенного им идеального государства. Протестуя против буржуазного индивидуализма, Кампанелла в «Городе Солнца» последовательно подчиняет человеческую лич-

⁵⁹ T. Campanella. Tutte le opere. Vol. I. Milano. 1954, p. 310.

⁶⁰ Л. С. Чиколини. Указ. соч., стр. 408; R. Villari. Op. cit., p. 103.

⁶¹ N. Badaloni. Op. cit., p. 343.

ность государственному контролю и руководству. Отвергая брак, основанный на происхождении и материальных интересах, он начисто забывает об индивидуальной любви, и описание брачных церемоний соляриев не выходит у него за пределы заботы о получении здорового потомства. Солярии и спят и обедают только коллективно и на работу ходят отрядами, во всем повинуюсь велениям учено-жреческой иерархии. Кампанелла печется о религиозном единстве, не забывая об институте тайных соглядатаев и о смертной казни не только за преступления против государства и за убийство, но и за преступления против господствующего религиозного культа. Так в мечте о справедливом и разумном общественном устройстве проступают казарменно-монастырские черты. Социальной природой программы Кампанеллы определилась и ее практическая неосуществимость: ни калабрийский заговор, ни попытки провести реформы сверху руками просвещенных государей или с помощью церковной иерархии не увенчались успехом.

Утопия Томмазо Кампанеллы не была архаическим пережитком средневековых теократических учений и уравнилельно-коммунистических тенденций средневековых еретических сект. Утопия «Города Солнца» и «Монархии Мессии» явилась целиком порождением своего времени, была попыткой найти ответ на вопросы, поставленные острейшими социальными противоречиями эпохи первоначального накопления. Вместе с тем утопия эта бесконечно далека от той программы, которую столетия спустя выдвинул основоположник научного социализма. Из утопических мечтаний мятежного калабрийца научный социализм отбросил все то, что было вызвано специфическими обстоятельствами эпохи,— теократическую форму государства, астрологические фантазии, идеал всемирной монархии, монастырско-казарменные черты в организации труда и быта граждан Города Солнца. Но достоянием последующих столетий остались прозрения Томмазо Кампанеллы о роли науки в общественной жизни, о просвещении народа, о прекращении войн и раздоров, об упразднении частной собственности и эксплуатации, о разумном и справедливом общественном устройстве.